

Доценко Е. Г.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: eldot@mail.ru

УДК 821.111-2(Шекспир У.)
DOI 10.26170/fk19-01-28
ББК ШЗЗ(4Вел)511-8,446
ГСНТИ 17.07.29
КОД ВАК 10.01.01

ШЕКСПИР И ЭКВИВОКИ

(Рецензия: Егорова Л. В. «Эквивокация в „Макбете“: речевая природа трагедии»: монография. Вологда: ВоГУ, 2018. 164 с.)

Аннотация. В монографии Л. В. Егоровой шекспировский «Макбет» рассматривается в связи с историческим контекстом создания трагедии – временем правления короля Якова I Стюарта, когда после раскрытия в 1605 г. Порохового заговора в Англии начались гонения на католиков. «Уклончивость» языка трагедии У. Шекспира, написанной в 1606 г., напрямую, как показывает монография, может быть объяснена политической ситуацией якобинской Англии начала XVII в.: не только вхождение в число заговорщиков, но и принадлежность к не англиканской христианской конфессии безопаснее было не разглашать. «Эквивокация воспринимается как историческая кульминация неоднозначных событий», а детальный анализ драматического диалога, предложенный Л. В. Егоровой, позволяет раскрыть в шекспировской трагедии «новые» смыслы.

Ключевые слова: эквивокация; иносказание; художественный перевод; рецензии; английская литература; английские драматурги; драматургия; литературное творчество; исторические пьесы.

Dotsenko E. G.
Ekaterinburg, Russia

SHAKESPEARE AND EQUIVOCATION

(A review on the monograph: Egorova L.V. Equivocation in “Macbeth”: The Nature of Speech in the Tragedy. Vologda: Vologda State University, 2018. 164 p.)

Abstract. The monograph by L. V. Egorova considers Shakespeare’s “Macbeth” on the historical background of the time of James I, the first Stuart king of England. When the Gunpowder plot was uncovered in 1605, the Catholic conspirators were subsequently executed. Equivocation is mentioned in “Macbeth” (1606) and could be explained – according to the monograph – by the political situation. In England of the beginning of the 17th century it was dangerous to be not only a conspirator, but a Roman Catholic as well. As equivocation is regarded as the culmination of historical events of the time, the detail analysis of dramatic dialogue, connected with equivocation, helps to understand additional meanings of Shakespeare’s tragedy.

Keywords: equivocation; allegories; literary translation; reviews; English literature; English playwrights; dramaturgy; literary creativity; historical plays.

Для цитирования: Доценко, Е. Г. Шекспир и эквивоки / Е. Г. Доценко // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 184–187. DOI 10.26170/fk19-01-28.

For citation: Dotsenko, E. G. Shakespeare and Equivocation / E. G. Dotsenko // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 184–187. DOI 10.26170/fk19-01-28.

Шекспировские юбилеи, отшумев новаторскими спектаклями и плодотворными научными конференциями в 2014-м (450 лет со дня рождения Шекспира) и 2016-м (400 лет со дня смерти – бессмертия – поэта), стали стимулом и для новых размышлений на «шекспировские» темы, и серьезных исследовательских работ по проблемам, всегда неисчерпаемым, когда речь идет о Барде. О значительном вкладе «юбилейных лет», имея в виду, прежде всего, отечественное шекспировведение, говорит буквально в первых строках своей книги Л. В. Егорова: «В юбилейные шекспировские годы вышло несколько ценных изданий, среди них – шеститомник „Великие трагедии в русских переводах“ под общей редакцией доктора филологических наук,

профессора Игоря Олеговича Шайтанова» [Егорова 2018: 8]¹. Составителем и автором предисловия и комментариев к «макбетовскому» тому названной серии является Людмила Егорова [Шекспир 2015], а рецензируемая монография «Эквивокация в „Макбете“: речевая природа трагедии» может рассматриваться как своего рода продолжение и подготовленного тома «Великих трагедий...», и посвященной «Макбету» главы биографического труда И. О. Шайтанова «Шекспир» (в главе «Полные шума и ярости» автор биографии очень кратко упоминает историю Порохового заговора и саму

¹ Далее ссылки на монографию даются в скобках с указанием страниц.

эквивокацию – в связи с «Макбетом» [Шайтанов 2014: 399–400]). Но функцией «продолжения» книга Людмилы Владимировны Егоровой ни в коем случае не ограничивается; это солидный и оригинальный труд, впечатляющий той самой «постюбилейной» значимостью и актуальностью.

От актуальности собственно и отталкивается автор монографии, рассматривая исторический контекст создания шекспировского «Макбета». Основная, «справочная», версия написания и первой постановки трагедии У. Шекспира – 1606 г.: в 1603 г. на английский трон взошел шотландский король Яков I Стюарт; в 1605 году был раскрыт Пороховой заговор, и начались гонения на католиков. «Макбет» как «шотландская» трагедия о разрушающей тяге к власти приобретает в таком случае политический акцент, не менее значимый, чем обязательная для великой трагедии философская коллизия. «Одним из принципиальных для рассмотрения стал момент смыкания трагедии с эпизодом истории, когда характер языка становится политическим вопросом: эквивокация воспринимается как историческая кульминация неоднозначных событий» (12).

Людмила Владимировна анализирует и несколько других, отличных от общепринятой, дат/версий создания трагедии, последовательно отказываясь от более поздних (например, 1611 г.) и объясняя допустимость более ранних – вплоть до 1601–1602 гг., когда предположительно «Шекспир мог скрываться несколько месяцев в Шотландии» (17). В пользу «елизаветинского» (до-«стюартовского») происхождения пьесы доводы тоже выглядят достаточно убедительными. Но, даже «если предположить, что Шекспир написал ее раньше, то теперь [в 1606 г.] он вернулся к тексту, чтобы насытить его актуальными намеками» [Шайтанов 2014: 399]. Намеков и смыслов в самой мистической из трагедий Шекспира, где «вещие сестры» – среди важнейших действующих лиц, можно уловить (и улавливают!) множество, и не зная исторического контекста. Тем интереснее «дешифровать» произведение, погружаясь в соответствующие времени политические и языковые реалии.

«Уклончивость» языка трагедии, как показывает монография, напрямую может быть объяснена политической ситуацией якобинской Англии начала XVII в., когда не столько вхождение в число заговорщиков, но и принадлежность к «неправильной» (не англиканской) христианской конфессии безопаснее было не разглашать. Одним из знаковых (хотя вряд ли сегодня широко известных даже в Великобритании) трудов эпохи стал «Трактат об эквивокации» (1598) Генри Гарнета. В посвященной «двуосмысленности» книге, впрочем, оспаривается принадлежность трактата Гарнету: возможно, он «продолжил работу своего единомышленника» Роберта Саутвелла после его смерти (49). Какой неоднозначной ни была бы история трактата, Л. В. Егорова подробно, с симпатией и сочувствием, приближающем к читателям, казалось бы, ушедшие навсегда проблемы далекого прошлого, рассказывает не только об особом языке эквивокации, но и о людях, на нем разговаривавших. Генри Гарнета, «префекта английских иезуитов», судили и казнили не за (недоказанное) участие в Пороховом заговоре, а именно за эк-

вивокацию и ложь – «как увиливавшего человека» (56). «Увиливать» в Англии начала стюартовского правления Гарнету приходилось, чтобы защитить не столько себя, но свои убеждения (веру) и своих единомышленников.

Эквивокация, как отмечает Л. В. Егорова, известна со времен Боэция, а в рецензируемой монографии «эквивокация как мыслительная процедура» описывается с опорой на труды современных специалистов по философии: «феномен речевой деятельности, форма тропологического мышления, роль которого [...] будет возрастать по мере усиления интегративных процессов культуры, освобождения от жесткого доминирования формально-логического метода в ментальных процессах и привлечения метафорических моделей» (12). В связи с «Трактатом» Гарнета перечисляются конкретные «способы эквивокации», «пути укрытия истины словами» и приводятся примеры, в основном (глава 3 исследования – «Эквивокация в „Макбете“ и исторический контекст») пока далекие от литературы. «Драматургически» сохраняя основную интригу работы, ее автор несколько раз просит своего читателя (76, 81) подождать детального рассмотрения трагедии – и это тоже вполне в духе эквивокации, или уклончивости.

В отношении литературы, говоря о сумме приемов, связанных с уклончивостью, мы обычно используем выражение «эзопов язык»: «Как реакция на запрет касаться определенных идей, тем, событий, имен, эзопов язык выработал, например в русской печати (кон. 18 – нач. 20 вв.), систему „обманных средств“, приемов шифровки (и дешифровки) свободной мысли» [Кузнецов 1987: 504]. Эквивокация и не выдается в книге Л. В. Егоровой за художественный прием или сумму приемов; дело в том, что «доктрина эквивокации» к художественной литературе, собственно, вообще не имеет отношения, находя множественную реализацию в сфере религии и политической, общественной жизни. И, наоборот, когда очередь в монографии Людмилы Владимировны доходит до анализа «Макбета», и мы получаем оправданно долгожданный, буквально словный блестящий разбор классического текста, речь в связи с многозначностью реплик шекспировских героев совсем не обязательно идет об эквивокации.

Раздел монографии «Неизреченные дела» (Глава 5. «Вглубь шекспировского текста») дает и толкование отдельных слов и высказываний участников диалога, и характеристику задействованных тропов: эвфемизмы, парафразы, каламбуры... Например, рассмотрев употребление в «Макбете» в связи с убийством короля Дункана «многосложного существительного *assassination*, введенного Шекспиром», исследователь резюмирует: «Этот случай не единственный, когда Шекспир дает многосложные слова, им образованные, Макбету. Но специфически шекспировская словесная ткань определяется не отдельными словами, необычно им созданными, а целым комплексом средств, среди которых – риторические формы неоднозначности и каламбуры, повторы и эхо, эвфемизмы и парафразы, иносказания и др.» (129). Герои «Макбета» лгут почти все, но с разными целями, и, если ведьмы не могут не лукавить по самой своей природе, а протагонист трагедии вынужден скрывать свое злодеяние, потому что он его уже совершил, то есть и герои, обманывающие друг

друга с «добрыми намерениями». В этом смысле очень интересно проведенное в монографии сопоставление диалога шекспировских Макдуфа и Малькольма, объединяющих силы в борьбе против Макбета, с «исходным текстом» хроники Холиншеда, где будущий король Шотландии – объяснимо дольше, чем у Шекспира, – «испытывает» своего сподвижника притворством: «У Холиншеда Малькольм называет испытание Макдуфа шуткой: (I) *have jested with thee in this manner, only to prove thy mind*. Шекспир в полной мере дает нам возможность почувствовать, как разрушительно существование в атмосфере, требующей такого рода „шутки“-проверок» (93).

Шекспировские средства «умножения» (мультипликации) значений не могут не восхищать. Л. В. Егорова, например, чрезвычайно внимательно и хорошо (автору работы очевидно нравится именно оценка «хорошо») рассматривает многозначность – в отличие от полифункциональности – «простого» глагола *to do*, который, оказывается, привычно замещая другие глаголы, тоже умеет играть и становится эвфемизмом. Например, «остальные мысли и разговоры об убийстве прикрыты ненавязчивыми эвфемизмами общего плана, как в начале данной цитаты:

If it were done, when 'tis done, then 'twere well

It were done quickly» (127).

Причем, если в приведенной цитате из монолога Макбета в 7 сцене I акта трагедии значение «замещающего» слова успешно восстанавливается из контекста, то настоящей загадкой становится (тоже в акте I, сцена 3) обещание «обиженной» вещей сестры «отомстить жене моряка, аппетитно поедавшей каштаны, но отказавшей в этом ей [...]:

But in a sieve I'll thither sail,

And like a rat without a tail,

I'll do, I'll do, and I'll do» (125).

Л. В. Егорова анализирует ситуацию возможной будущей мести персонажа, сопоставляя оригинальный текст с языковыми находками переводчиков: «Русские переводы тяготеют к противоположному: приданию той или иной определенности, осмысленности нарочито уклончивым фразам» (125).

Тема «„Макбет“ в освоении русскими переводчиками» является для исследования, как сообщает еще во Введении к работе автор, одной из центральных (12), и реализована очень полно. Людмила Владимировна привлекает едва ли не все (а перечисляет – все) существующие на сегодняшний день переводы шекспировской трагедии на русский язык, и, не скрывая своих предпочтений (переводы М. Лозинского, С. Соловьева, Г. Шпета), предельно корректно приводит и анализирует также варианты А. Кроненберга, Б. Пастернака, А. Радловой. Правда, советы будущим переводчикам иногда выглядят в работе несколько чужеродным пластом: «в переводе следует идти в направлении уклончивости Шекспира» (123). Зато обращение к разным переводам помогает прояснить и отдельные языковые нюансы текста пьесы, тонкости словоупотребления, множественность коннотаций тех или иных концептов, но и, например, концепцию времени, всегда важную для шекспировского театра, который Л. Е. Пинский называл «театром Времени» [Пинский 1971: 598].

Жанр монографии представляется чрезвычайно адекватным данной работе Л. В. Егоровой. Несмотря на многообразие трудов о Шекспире, созданных отечественными учеными, монография о конкретной трагедии – для нас редкость. Монографическое исследование позволило его автору сосредоточиться именно на тексте «Макбета», его истории и контекстах создания, скрупулезно проанализировать «речевую природу» одной трагедии Шекспира, но и не помешало обращаться к другим необходимым для сопоставления произведениям, например, хронике «Генрих VI, ч. 2» или пьесам-«откликам» других драматургов «позднешекспировского» периода. Особо хотелось бы выделить раздел монографии, посвященный Роберту Саутвеллу, чья поэзия представлена и проанализирована едва ли не наиболее вдохновенно, создавая перекличку с другими, посвященными английской поэзии работами Л. В. Егоровой («„О героическом энтузиазме“, или Рождение метафизического стиля» [Егорова 2009]). Рецензируемая монография о Шекспире – работа современная и по источникам, и по методологии (включающей и лингвистические, и литературоведческие подходы), и по безупречному стилю. Книга, наверняка, найдет своего читателя как среди ученых-филологов, театральных деятелей, работающих над постановками по пьесам Шекспира, так и среди непрофессионалов, интересующихся историей, театром, драмой.

Возвращаясь к эквивокации, хотелось бы уточнить место «доктрины» в структуре трагедии, поскольку ни о структурообразующей метафоре, ни о сумме приемов, связанных с иносказанием, речи справедливо не идет. Объяснение роли эквивокации не только не спрятано в монографии «эквивоками», но наглядно вынесено в название: это «речевая природа» данной трагедии. Великие трагедии Шекспира, как и положено по канону со времен Аристотеля, завершаются катарсисом. Но каков катарсис в «Макбете»? «Пьеса заканчивается восстановлением порядка, в том числе и временного. Внося проклятую голову узурпатора, Макдуф, обращаясь к Малькольму, как к королю, сообщает о том, что „время свободно“» (114). В ходе восстановления/освобождения/излечения времени, как это было и в «Гамлете», и в «Короле Лире», протагонист погибает, а зло наказано. Но в «Макбете» протагонист и «зло» в конце концов уравниваются, а новая шотландская власть торопится расстаться с прошлым, не вызывая у зрителя безусловной солидарности со своими намерениями. «Новый монарх убедителен в своих обещаниях [...] Верим ли мы очередной риторике? – обращается к нам с вопросом исследователь. – Она воспринимается как финал представления» (116). Время Макбета и его спектакля закончилось, но «время эквивокации», очевидно, нет, поскольку в финале сохраняется многозначность (в том числе и многозначность толкования самого финала), характерная для «шотландской» трагедии в целом. Благодаря подробному и аргументированному сопоставлению речевых и контекстных аспектов «Макбета» в книге Л. В. Егоровой, эквивокацию в пьесе хочется теперь воспринимать как самоцель – как цель трагедии наряду с катарсисом. А за «новые смыслы» «Макбета» и монографии, и ее автору нельзя было бы не выразить признательность.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 645–680.
- Егорова Л. В. «О героическом энтузиазме», или Рождение метафизического стиля: монография. – Вологда: ВГПУ, 2009. – 168 с.
- Егорова Л. В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии: монография. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 164 с.
- Кузнецов В. П. Эзопов язык // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. М. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 504–505.
- Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. – М.: Художественная литература, 1971. – 606 с.
- Уильям Шекспир: великие трагедии в русских переводах. Макбет / пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой. – М.: ПРОЗАиК, 2015. – 431 с.
- Шайтанов И. О. Шекспир. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 474 с.
- Shapiro J. 1606. Shakespeare and the Year of “Lear”. – L.: Faber and Faber, 2015. – 423 p.

Данные об авторе

Доценко Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).
Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 279.
E-mail: eldot@mail.ru.

REFERENCES

- Aristotle. Poetics / translation by M. L. Gasparov // Aristotle. Writings: in 4 vol. – M.: Mysl', 1984. – Vol. 4. – P. 645–680.
- Egorova L. V. “On Heroic Enthusiasm,” or the Birth of Metaphysical Style: monograph. – Vologda: VSPU, 2009. – 168 p.
- Egorova L. V. Equivocation in Macbeth: the nature of the tragedy: monograph. – Vologda: VSU, 2018. – 164 p.
- Kuznetsov V. P. Aesop language // Literary Encyclopedic Dictionary / general editorship by V. M. Kozhevnikov and P. M. Nikolaev. – M.: Soviet Encyclopedia, 1987. – P. 504–505.
- Pinsky L. E. Shakespeare. The main beginnings of drama. – M.: Imaginative Literature, 1971. – 606 p.
- William Shakespeare: Great Tragedies in Russian Translations. Macbeth / translation from English by S. Solovyov, M. Lozinsky, B. Pasternak; compilation, preface, comments. L. Egorova. – M.: PROZAIK, 2015. – 431 p.
- Shaitanov I. O. Shakespeare. – M.: Molodaya gvardiya, 2013. – 474 p.
- Shapiro J. 1606. Shakespeare and the Year of “Lear”. – L.: Faber and Faber, 2015. – 423 p.

Author's information

Dotsenko Elena Georgiievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methodics of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).